

Славяно-
русские
древности

2

**Древняя Русь:
НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

В настоящем сборнике (вып. 1 вышел в 1988 г.) публикуются итоги исследований по истории, археологии, архитектуре и нумизматике Древней Руси. Особое внимание уделяется славянскому этногенезу, связям Руси со Скандинавией, Европой, Византией, арабскими государствами. Впервые представлены материалы о традициях славяно-русской археологии в Петербургском университете.

Книга предназначена для историков, археологов, всех, интересующихся отечественной историей.

Редакционная коллегия: *И. В. Дубов, И. Я. Фроянов, В. Л. Янин, В. В. Седов*

Рецензенты: д-р ист. наук *А. В. Гадло* (С.-Петербургский ун-т); д-р ист. наук *Г. Л. Курбатов* (С.-Петербургский ун-т); канд. ист. наук *С. Н. Кореневский* (Ин-т археологии, г. Москва)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета*

Д 0504000000—070
076(02)—95 16—93

© Издательство
С.-Петербургского
университета,
1995

ISBN 5-288-00944-9

вов в орбиту древнерусского влияния, но и оседанием в Мещерской стороне славян уже в XI—XII вв.⁶⁷

Массовое освоение края русскими началось не ранее XIV вв., в эпоху исчезновения у славян курганного обряда. Судя по историческим данным, островки самобытного чудского населения сохранялись здесь, по меньшей мере, до XVI в.

⁶⁷ В проанализированной Т. И. Алексеевой владими́ро-рязанско-нижегородской группе «кривичских» курганных черепов свыше половины (28 из 47) составляют образцы из касимовских курганов. По суммарной их оценке основу средневекового населения этой группы образуют финно-угры при незначительной примеси славянского элемента (Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 22—23, 199).

И. В. ДУБОВ, В. Н. СЕДЫХ

ТИМЕРЕВО В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы Тимеревского археологического комплекса в настоящее время прочно вошли в историко-археологическую науку и широко используются отечественными и зарубежными специалистами по истории Древней Руси. Для Тимерево мы располагаем полным комплектом древностей — поселения, могильники, монетные клады.

Важное значение района Ярославля, где находилось Тимерево, в системе трансевропейских дальних связей, осуществившихся в IX—X вв., подчеркивается в работе В. П. Даркевича.¹ Он называет Тимеревское поселение «ключевой торговой факторией»² и ставит в один ряд с древнерусскими протогородами (Ладога, Рюриково городище, Гнездово) и виками Северной Европы и Скандинавии (Бирка, Доррестад, Хедбю).³

В. В. Седов полагает, что окрестности Ярославля являлись одним из «двух крупных регионов концентрации курганов с захоронениями воинов-дружинников на северо-восточной окраине восточнославянской территории того времени. Оба региона находятся в узловых пунктах Балтийско-Волжского пути, связывающего страны Северной и Западной Европы с Востоком».⁴

А. Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев, указывая на значительную концентрацию предметов вооружения, включают Тимере-

© И. В. Дубов, В. Н. Седых, 1995.

¹ Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. / Под ред. Т. В. Николаевой. М., 1976. С. 155.

² Даркевич В. П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. М., 1985. С. 389.

³ Там же. С. 392.

⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1982. С. 255.

во-Ярославль наряду с Гнездовом-Смоленском в число «крупнейших городских центров».⁵

М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина связывают Тимеревский могильник с «административным центром разноэтничной округи, местом сбора и концентрации дани».⁶

П. П. Толочко соглашается не со всеми нашими оценками роли, характера и значения Тимеревского центра, но отмечает, что здесь выявлены отчетливые следы ремесленного производства: «В решении проблемы происхождения древнерусских городов большую роль играют торгово-ремесленные поселения или фактории. Они известны, главным образом, на важнейших водных магистралях — Днепре, Волхове, Волге, Десне. Это Ладога, Гнездово, Тимерево, Сарское и Михайловское городища, Шестовицы и некоторые др.»⁷ Заметим, что Тимерево он ставит на третье место после таких известных центров, как Ладога и Гнездово, и перед Сарским городищем — предшественником Ростова Великого. Такова весомая, практически единодушная оценка материалов Тимеревского комплекса, распространенная ныне в нашей литературе. Диссонансом звучит лишь точка зрения А. Е. Леонтьева.⁸

История археологического изучения Тимеревского комплекса состоит из нескольких основных этапов.

Сначала был открыт Тимеревский могильник. Он стал известен еще в конце 60-х годов прошлого столетия, когда ярославский краевед Н. П. Сабанеев включил его в список памятников губернии.⁹ С тех пор Тимеревский некрополь неоднократно осматривался и подвергался раскопкам археологов. Давалась различная количественная оценка могильника. Так ярославский историк-краевед В. И. Лествицын выполнил первое топографическое описание Тимеревского могильника, указав его точные координаты, площадь, число курганов (более 150), размеры насыпей.¹⁰ Однако данное описание было составлено в результате поверхностного осмотра могильника и во многом страдало неточностями, прежде всего это касалось числа курганов, которое было значительно занижено. Другие

⁵ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. С. 299.

⁶ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 88.

⁷ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 36, 50.

⁸ Леонтьев А. Е. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79—86.

⁹ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 4. Ярославль, 1868. С. 93.

¹⁰ Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869. С. 17.

авторы называли иное количество насыпей в Тимеревском могильнике, причем оно доходило до 1000—1500.¹¹

Незначительные по масштабам раскопки курганов Тимеревского могильника в дореволюционное время производили И. Аспелин (1872 г. — 2 насыпи), участники VII Археологического съезда (1887 г. — 2), И. С. Абрамов (1908 г. — 2); более широкие исследования провел здесь А. И. Кельсиев (1878 г. — 34 насыпи).¹²

В 1900 г. в Тимерево проводит раскопки И. А. Тихомиров, где за полевой сезон им было вскрыто 14 курганов. В этом же году И. А. Тихомиров открывает курганные группы у деревень Малое Тимерево и Гончарово и начинает там раскопки. По итогам своих работ И. А. Тихомиров делал доклады на заседаниях Ярославской губернской ученой архивной комиссии и опубликовал их результаты в двух обширных статьях,¹³ где впервые в науке была предпринята попытка дать историко-археологическую характеристику Тимеревского некрополя. Согласно его заключениям, основная масса погребений этого могильника принадлежит варягам, да и собственно курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами. Заметим, что в то время было раскопано лишь 50 курганов, что составляет 10% от общего количества, по которым мы имеем сведения ныне (475), или около 3% от предполагаемого общего количества насыпей в некрополе. Эти обстоятельства, безусловно, существенно снижают ценность и достоверность выводов И. А. Тихомирова.

Кроме определения этнической принадлежности захоронений Тимеревского могильника И. А. Тихомиров провел реконструкцию и интерпретацию погребального обряда, инвентаря, определил его хронологию.

Тимеревский могильник И. А. Тихомиров датировал IX—XI вв. По его мнению, это — кладбище нескольких деревень и основная из них — Тимерево. Заметим, что тогда, как, впрочем, и семьдесят лет спустя, поселение у дер. Большое Тимерево, синхронное могильнику, известно не было.

Следующие крупные раскопки Тимеревского некрополя проводит в 1938—1939 гг. ленинградский археолог Я. В. Станкевич (26 погребальных комплексов). Я. В. Станкевич предложила свою историческую оценку изучаемого ею некрополя.

¹¹ Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Ярославской и Владимирской губерниях в июне и июле 1908 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Фонд. I. Дело № 71. 1908. Л. 19.

¹² Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенных в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. М., 1878—1879. С. 306—308; Т. III, ч. 1. М., 1880. С. 53—68.

¹³ Тихомиров И. А. 1) Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1 // Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. С. 87—248; 2) Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 2 // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1—98.

Она полагала, что наиболее ранние курганы сооружены здесь в VIII столетии, а самые поздние — в начале XI в. По ее мнению, это был славянский могильник и подавляющая часть погребений принадлежала словенам новгородским, которые заселяли Залесскую землю, начиная с VIII столетия.¹⁴ Я. В. Станкевич впервые интерпретировала ряд больших курганов некрополя как сопокобразные — отдаленный аналог новгородским сопкам, кроме того, отмечала «факт некоторого смешения славянского и финского населения». Скандинавских погребений археолог не отмечала вовсе. Таким образом, Я. В. Станкевич определила Тимеревский некрополь как моноэтническое сельское кладбище.

Следующим этапом в изучении Тимерево стали широкомасштабные раскопки курганов, произведенные в 1959—1961 гг. экспедицией Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер (282 насыпи). Их результаты, а также все предыдущие исследования были суммированы в фундаментальной коллективной монографии.¹⁵ Была предложена историко-археологическая оценка комплекса: «Тимеревский некрополь является памятником сельского типа, кладбищем нескольких деревень, которым пользовались с конца IX до первой половины XI в. включительно. Наиболее интенсивный рост Тимеревского кладбища наблюдается во второй половине X в. Население, оставившее Тимеревский могильник, находилось на стадии распада общинного строя и развития феодальных отношений. В этническом отношении оно было смешанным с преобладанием финского элемента. Из общего числа погребений 38 процентов приходится на погребения финские, 15 процентов — на захоронения славянские и 4 процента — на скандинавские».¹⁶ Этой концепции был подчинен и поиск мест поселений, где жили люди, захороненные в могильнике.

Необходимо процитировать полностью этот сюжет, изложенный в статье М. В. Фехнер: «В Ярославском Поволжье средневековые могильники всегда расположены очень близко от мест поселений, обычно на расстоянии 50—200 м. И в данном случае в окрестностях Тимеревского могильника следы одного из селищ выявлены на расстоянии 240 м к юго-востоку от курганов... Культурный слой памятника почти полностью уничтожен распашкой. Можно полагать, что в результате распашки исчезли также следы других поселений, находящихся в непосредственной близости от могильника на правом и левом берегах Сечки».¹⁷

Дальнейшие исследования позволили откорректировать

¹⁴ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—XI в. // МИА. 1941. № 6. С. 82—84.

¹⁵ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 8.

многие заключения М. В. Фехнер и опровергнуть последний вывод относительно Тимеревского поселения.

Тогда же, в начале 60-х годов, было заявлено, что «археологическое изучение Тимеревского некрополя полностью было завершено» (к этому времени существовали данные по 358 курганам), тогда как вскоре в научный оборот введены материалы не менее 475 курганов. Как видим, и это заключение не выдержало проверки временем. Случайная находка в 1968 г. клада восточных монет (не менее 1532 экз.), зарытого в землю в конце IX столетия, продолжила археологические исследования.

Новый период в исследованиях Тимерева начался в 1972 г., когда здесь развернула свои работы Ярославская экспедиция кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета, продолжающиеся и ныне. Первые плодотворные результаты были получены в 1973 г.

Во-первых, тогда был раскопан курган № 95, давший новую уникальную информацию о могильнике в целом. Всего в кургане обнаружены три погребения. Два из них были по обряду трупоположения.

Основное погребение, совершенное по обряду трупосожжения, дошло до нас в неповрежденном виде. В центре кургана на незначительной подсыпке из песка, лежащей прямо на материке, на глубине 70—80 см находилось кострище округлой формы диаметром 4 м и мощностью 15—20 см. По всей площади кострища были разбросаны кальцинированные человеческие кости и кости животных, главным образом овцы (козы). В центре, откуда происходит большинство вещевых находок, находилась кучка кальцинированных человеческих костей и необоженные кости курицы, брошенные уже на погасший погребальный костер. Здесь были кремированы женщина 40 лет и ребенок до 2 лет. В 1 м от кострища, в южной части насыпи обнаружена каменная вымостка, выложенная на материке и ориентированная по линии запад-восток. Она имела треугольную или ладьевидную форму, длина ее 2,4 м, ширина — 1,4 м. Камни лежали в один слой. Подобные вымостки широко распространены на территории Скандинавии.

Основную часть вещей, найденных на кострище, составляют женские украшения. Среди них — ожерелье из 51 бусины различных форм и самых разнообразных материалов — стекла, горного хрусталя, сердолика, пасты, серебра.

Наиболее интересны серебряные ажурные биконические бусины из рубчатой проволоки. Аналогии им известны в погребальных комплексах Северной Прибалтики (Бирка; острова Эланд, Адельзе, Аландские; Дания). Ярославские экземпляры — самая восточная находка этих бус. На территории Древней Руси четыре подобные бусины ранее обнаружены в кургане урочища Плакун близ Старой Ладogi. По мнению Г. Ф. Кор-

зухиной, плакунский комплекс можно датировать IX в., может быть, первой половиной столетия. Курганы с аналогичными бусами на территории Скандинавии датируются IX—X вв., а там, где возможна более узкая датировка, IX в. Интересен составной односторонний гребень с орнаментом в виде плетенки и меандра на накладке, аналогии которому встречаются в странах Балтики, где они датируются IX—X вв. В состав инвентаря входило много серебряных, бронзовых украшений, деталей костюма, до неузнаваемости пострадавших от огня. Среди них все же можно узнать оковки ларца, бронзовые шпеньки и накладки от пояса, пуговицы, бубенчики, бронзовую скорлупообразную овальную фибулу. Последнюю можно отнести к типу 27 (первая половина IX в.). На кострище обнаружены также три восточные монеты второй половины VIII в. Раскопанный курган — самый ранний из твердо датируемых в Ярославских могильниках: он относится, возможно, к первой половине IX в.¹⁸

Тогда же, в 1973 г., было обнаружено поселение близ могильника, площадь которого по первоначальной оценке превышала 5 га. На распашке было найдено скопление серебряных восточных монет из клада, сокрытого в последней трети IX в. Клад 1973 г. на момент его первой публикации в 1975 г. насчитывал в своем составе 2618 монет, из которых 1484 целых экземпляра и 1134 — фрагментированных.¹⁹ Практически каждый полевой сезон происходит его пополнение, и на сегодняшний день в его состав входит 2762 монеты. Новые находки не изменили общей нумизматической оценки клада, подтвердили его первоначальную датировку. Данный клад по своему составу относится ко второму периоду, по классификации Р. Р. Фасмера, и зарыт, возможно, не позднее 870 г. Особое значение имеет обнаружение на некоторых монетах Тимеревского клада 1973 г. граффити.

В Тимеревском кладе обнаружены граффити на 11 монетах, четыре из них относятся к разряду рунических, в том числе одна надпись. В четырех случаях зафиксированы различные геометрические значки, не поддающиеся дешифровке, и на двух монетах процарапаны подражания восточным надписям. На половинке аббасидского дирхема чеканки 810/811 гг. прорисован какой-то предмет, напоминающий копье. Как видим, небольшая серия граффити из Тимеревского клада крайне разнообразна по своему смысловому содержанию.

Начиная с 1974 г. новые раскопки курганов Тимеревского могильника производила экспедиция Государственного истори-

¹⁸ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 82—86.

¹⁹ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1976. № 14. С. 60—66.

ческого музея. За пять лет исследований вскрыто 97 насыпей. Из курганов, раскопанных в эти годы, наиболее ярким является комплекс № 100.²⁰ Погребение здесь было совершено в могильной яме — камере. Вдоль ее южной стенки находились останки двух лошадей и челюсти двух особей крупного рогатого скота. В камере, судя по инвентарю, находилось парное захоронение мужчины и женщины. К первому погребению относятся меч с клеймом на клинке в виде латинской буквы «С», наконечники копья и стрел, петли и оковка днища колчана, детали уздечного набора, стремяна, удила с псалиями, рукоять кнутовища, золотой перстень, весы, гиришка, кожаный кошелек с семью дирхемами, чеканенными Саманидами в 963—976 гг. С женским захоронением связаны серебряные круглопроволочные височные кольца с завязанными концами, оправленная серебром каменная вставка перстня, бусы и бисер. В верхней части насыпи найдена ладейная заклепка. Это дало основание для предположения, что над камерой была положена ладея или ее какая-то часть.

Значительный интерес вызывает находка весов, на чашечках которых выявлена арабская надпись, расшифрованная как «налог, подать, таможенные сборы». Это послужило основой для заключения, согласно которому весы могли принадлежать сборщику налогов или таможенной пошлины. Однако допускается и второй вариант — надпись является гарантийным знаком мастерской, выпустившей весы и заплатившей налог за них. Совокупность материала дает возможность для утверждения, что здесь захоронен воин-торговец. Этот комплекс сравнивается с датскими погребениями, и «покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества».

Итоги новых раскопок Тимеревского могильника подведены в двух статьях М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной. На основании изучения погребального обряда авторы пришли к следующим выводам: во-первых, основным погребальным обрядом в Тимереве являлась кремация и ее замена ингумацией связана с христианизацией. Во-вторых, исследователи полагают, что материал раскопок дает возможность для социальных реконструкций, и отмечают, что «более 50% курганов с инвентарем, состоящим из отдельных металлических и керамических изделий, являются, видимо, захоронениями рядовых общинников. 13% курганов с богатым и разнообразным инвентарем принадлежит феодализирующейся знати. Они отличаются от всей массы погребений не только характером инвентаря, но и размерами погребальных костров, наличием большого количества жертвенных животных и, что особенно важно отметить, захо-

²⁰ Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 184—192.

ронениями в деревянных камерах, связанных с дружинным элементом».²¹ В-третьих, Тимеревский некрополь представлен многоэтничным населением, среди которого доминирует финно-угорский компонент, но представлены также славянские и скандинавские комплексы.

Вопрос о характере Тимеревского центра М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина в данной статье оставили открытым, предполагая два возможных варианта его решения, согласно которым могильник мог быть кладбищем одного поселения или как центр округа для нескольких деревень. Ранее они отстаивали лишь второй вариант.

В последующей работе, где проанализированы различные категории находок из погребений Тимеревского некрополя, те же авторы уже утверждают, что «наличие на Тимеревском кладбище богатых захоронений с мечами, кольчугами, весами и гириями позволяет говорить о том, что оно было связано с административным центром разноэтничной округи, местом сбора и концентрации дани».²²

В 80-е годы раскопки Тимеревского комплекса проводились экспедицией кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета. Всего исследовано 16 насыпей курганов, и мы располагаем данными по 475 курганам. Среди исследованных ряд насыпей заслуживает особого внимания. Это прежде всего курганы, где обнаружены камерные захоронения.

В центральной части Тимеревского могильника находится курган № 297, раскопанный в 1984—1985 гг.²³ Парное женское погребение размещалось здесь в деревянной камере в яме. Зафиксированы остатки настила и перекрытия камеры в виде деревянных плах и отдельных кусков дерева. В изголовье погребенных внутри камеры обнаружены столбовые ямы, возможно, сохранившиеся детали козырька. К востоку от ямы открыты остатки ладьевидной вымостки из камней.

Погребение № 1 — женское (30—45 лет) — находилось в южной части камеры. Захороненную сопровождали серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, остатки золотого шитья от одежды, костяной игольник на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев с набором железных игл, железные пружинные ножницы, нож с деревянной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой, бусы из горного хрусталя и глазчатая, а также два глиняных лепных горшка.

Погребение № 2 принадлежало девочке 11—13 лет и нахо-

²¹ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 113—114.

²² Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 88.

²³ Седых В. Н. Исследования в Тимереве // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 101.

дилось в северной части камеры. Здесь же найдены две скорлупообразные овальные фибулы, дирхем-привеска с ушком (804/805 гг.), бусы горного хрусталя и глазчатая, серебряный перстень с сердоликовой вставкой и глиняный горшок, а также обнаружены остатки отрубленной лапы медведя. В камере были найдены ладейная заклепка, железный предмет в виде несомкнутого кольца, фрагменты перевитой металлической ленты тяжелого сплава, а также кости лошади и свиньи. На борту камеры у юго-западного угла обнаружены остатки деревянного ведра, окованного железными обручами.

Датировку комплекса определяют прежде всего скорлупообразные фибулы типа 51К, которые бытовали во второй-третьей четвертях X в. Обряд погребения и набор вещей позволяют усматривать в этом комплексе скандинавские черты.

Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что перстень, лежащий рядом с рукой девочки, был надет на фалангу медведя. Это не что иное, как проявление обряда обручения с медведем, широко известного из фольклора народов Северной Европы, включая и Скандинавию.

Рассмотренный курган относится к серии «больших» и «богатых» комплексов Тимеревского некрополя.

Еще один курган с камерным погребением исследован в 1987 г. Под насыпью кургана № 284 обнаружены остатки деревянной камеры — фрагменты пола и перекрытия, в юго-западном ее углу зафиксированы камни. Погребение мужчины совершено в сидячем положении. В состав инвентаря входят бронзовая фибула, нож, трубочка для фитиля, кошелек, игральная шашка, гирька, два фрагмента восточных монет, пуговицы, два бубенчика, поясная бляшка, фрагмент слюды, две бусы и два глиняных сосуда. Датируется комплекс серединой — второй половиной X в. и носит северный характер.

В Тимеревском могильнике на сегодняшний день выявлено 30 курганов с камерными захоронениями и в срубах, 7 из них содержат парные погребения в камерах, в 9 найдены фибулы, в 6 — весовые гирьки и также в 6 — монеты. Хронологически эти курганы можно обозначить X столетием, причем 7 из них датируются второй его половиной. Подавляющее большинство этих комплексов (10) — скандинавские.

На Руси, как и в Скандинавии, камерные гробницы принадлежат представителям торгово-дружинного слоя, среди которого, как известно, были и выходцы из северных земель. Их наличие в Ярославском Поволжье подтверждает вывод о присутствии здесь в X в. определенного числа норманнов: торговцев и дружинников. Видимо, не случайно, что данные погребения представлены в крупнейших военно-торговых центрах Руси, каковыми являлись в IX—X вв. Гнездово, Шестовицы, Тимерево.

Первая сводная публикация Ярославских могильников была

выполнена четверть века назад.²⁴ Новые раскопки обобщены недавно.²⁵ Исследователями приводится основная статистика, характеризующая Тимеревский некрополь. В 404 курганах (83,5%) обнаружены остатки захоронений, 30 (6%) — оказались пустыми, данные отсутствуют по 45 насыпям, раскопанным в прошлом веке (9,5%). Из общего количества погребений 71% составляют кремации и 29% — ингумации. В основном курганы содержат по одному захоронению, но встречены и парные погребения. В некоторых курганах выявлены захоронения с различной обрядностью — сожжения и ингумации. В подавляющем большинстве вторые являются впускными и совершены в уже существовавшем кургане, где первоначально было размещено трупосожжение. Определено, что в могильнике обнаружено 93 мужских погребения, 79 — женских, 39 — детских и 34 — парных, 219 захоронений не удалось точно определить. Из курганов с сожжениями 31% составляют насыпи, где кремация производилась на месте их сооружения. В 132 курганах (29%) погребения совершены по обряду ингумации. В основном костяки располагались на горизонте, но встречены и погребения в ямах, в насыпи курганов.

В ряде комплексов Тимеревского могильника встречены отдельные камни или целые конструкции из них — ладьевидные вымостки, кольцевидные кладки.

Общая характеристика обнаруженного в могильнике инвентаря следующая. Предметы вооружения обнаружены в 48 курганах (10,3%). Среди них — мечи (три целых клинка и навершие), наконечники ножен меча найдены дважды, кольчуги (4 погребения), копье, стрелы (24 кургана — 32 экз.), костяные накладки от лука (7 погребений), колчаны (5 комплексов), боевые топоры (12), боевой нож-скрамаскс (1).

Снаряжение всадника и верхового коня — стремяна, удила, детали конской сбруи, рукоять плети — наиболее полно представлено в кургане № 100. Поясные наборы встречены в 36 комплексах. Торговый инвентарь — весы и гири — найден исключительно в мужских захоронениях. Среди предметов быта и орудий труда следует назвать деревянные чаши, бронзовые сосуды, деревянные ведра, детали ларцов, ключи, кресала, футляры от фитилей, ножи, ножницы, шипы, долота, зубила, шилья, сверла, иглы. Сельскохозяйственные орудия единичны — это сошник, коса-горбуша, серп. Разнообразны украшения — фибулы скорлупообразные, трилистные, равноплечные, кольцевидные, подковообразные, височные кольца, венчики женских головных уборов, шейные гривны, подвески, бусы,

²⁴ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

²⁵ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника... С. 101—115; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника... С. 70—89.

браслеты, перстни. В категорию принадлежностей туалета входят гребни, копоушки, пинцет, косметическая ложечка. Серию культовых принадлежностей составляют глиняные лапы и кольца, просверленные астрагалы бобра, лепешки из глины, изделия из воска, шейные гривны с привесками в виде молоточков Тора, серебряные крестики, медвежий клык-привеска. Этот список дополняют различные отдельные находки.

Весь период существования Тимеревского курганного могильника может быть разделен на несколько стадий, имеющих свои ведущие типы и варианты погребального обряда, характерные наборы инвентаря, укладываемые в определенные хронологические границы.

IX век — трупосожжения на стороне, кальцинированные человеческие кости находятся на материке или в насыпи, каменные конструкции (часто кольцевые каменные кладки), кости животных, керамика лепная, фибулы IX столетия, дирхемы VII—VIII вв. Характерна бедность инвентаря.

X век — господствуют трупосожжения на месте — кострище. Разнообразные варианты обряда и богатство погребального инвентаря.

Первая половина X в. — закладываются основы сложного погребального обряда, господствующего позднее, — кострище, урна, деревянные конструкции и т. д.

Середина X в. — ведущий обряд — трупосожжение на кострище в деревянном сооружении; варианты — кости в насыпи, урна перевернутая, кости в ямке под кострищем и т. д. Богатый набор инвентаря — вещи смешанного характера — фибулы, мечи, стрелы, весы, гирьки, бусы, шипы, поясные наборы, гребни, лапы, кольца глиняные, копоушки, привески из астрагалов бобра и т. д.

Вторая половина X в. — продолжают существовать традиции, выработанные на предыдущих этапах. Однако обряд упрощается, сокращается и беднеет набор инвентаря.

Конец X—XI в. — происходит коренное изменение в погребальной традиции — на смену обряду трупосожжения приходит ингумация. Существует несколько вариантов этого обряда, неравномерно представленных в могильниках — костяк располагается в насыпи, на материке, в яме. Ведущим является положение костяка на материке. Наиболее часто фиксируется западная ориентировка. Набор инвентаря скудный — керамика лепная и гончарная, нож, топор, пояс, оселок и т. д. Встречаются пережиточные явления обряда трупосожжения в виде зольно-угольных прослоек под или над костяком или углей, разбросанных вокруг костяка. На этой стадии курганная традиция распространяется по всему Ярославскому Поволжью.

Интересна и динамика изменения средних размеров курганных насыпей: начиная с IX в. — небольшие (диаметр — 7 м, высота — 0,7 м), в первой половине — середине X столетия —

достигают своего максимума (диаметр — 9 м, высота — 0,9 м), к концу X — началу XI столетий они становятся минимальными (диаметр 5—6 м, высота 0,5—0,6 м).

Картографирование погребальных комплексов, относящихся к разным стадиям, выполненное по материалам Тимеревского и Петровского некрополей, позволяет проанализировать развитие во времени, раскрыть историю их формирования.

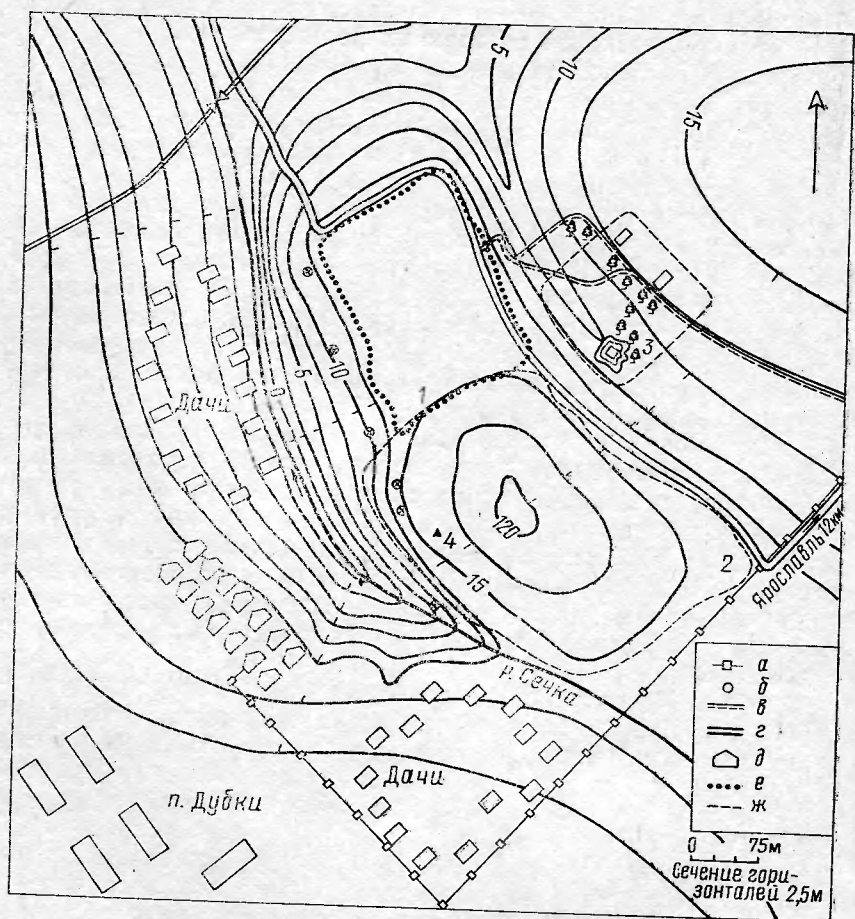
Наиболее последовательно это прослежено на примере Тимеревского могильника. В IX столетии курганы располагаются длинной узкой полосой, проходящей через весь будущий могильник с севера на юг. Это и есть древнейшее ядро некрополя. В первой половине X в. курганы начинают насыпать на большом поле в сторону северо-запада от центрального ядра. Именно здесь в середине столетия будет сформирована основная часть могильника. Курганы второй половины X в. располагаются на периферии этой зоны. В конце X—XI столетиях создается поздняя зона некрополя, состоящая исключительно из насыпей с погребениями по обряду труположения на юго-восточной окраине могильника. Это является финальным этапом существования кладбища у дер. Большое Тимерево.

Такова общая характеристика и некоторые вытекающие из материалов Тимеревского курганного могильника, являющегося составной частью рассматриваемого нами археологического комплекса. В течение многих десятилетий ученые располагали в Тимереве только материалами погребальных комплексов, которые, конечно, не могли являться достаточными для исторических реконструкций, и вследствие этого многие суждения по поводу характера некрополя были несколько преждевременными.

В 1972 г. Ярославской экспедицией близ Тимеревского курганного могильника были открыты два поселения. Собранный на них подъемный материал показал, что они относятся к тому же времени, что и могильник, т. е. непосредственно связаны с ним. Исходя из этого, в 1973 г. Ярославская экспедиция вернула здесь полевые работы.

В результате раскопок выяснилось, что Тимеревский могильник являлся кладбищем жителей одного крупного поселения площадью свыше 11,5 га, расположенного в непосредственной близости от некрополя и, несмотря на многолетнюю распашку, вполне пригодного для полевого археологического изучения. Благодаря наружным наблюдениям, шурфовке и раскопкам большими площадями, удалось определить границы поселения (рис.), структуру культурного слоя, характер и плотность застройки и в итоге сделать важные шаги по пути воссоздания исторического развития памятника и его обитателей. Поселение располагалось на наклонной площадке коренного берега р. Сечки. Это место — одно из самых высоких в округе, и с запада, сразу за могильником, начинались заливные по-

странства и поймы реки Которосль. С двух сторон, таким образом, оно имело великолепные естественные укрепления. В целом доступ к нему был затруднен, так как оно находилось несколько в стороне от важнейшей водной дороги по Которосли,

План Тимеревского археологического комплекса.

1 — курганный могильник; 2 — основная площадка поселения; 3 — поселение на месте дер. Б. Тимерево; 4 — место находки клада 1973 г.
 а — трубы теплопровода; б — реперы газопровода; в — грунтовая дорога; г — асфальтовая дорога; д — теплицы; е — границы могильника; ж — границы поселений.

входившей в систему Великого Волжского пути. Культурный слой поселения, как и предполагалось ранее, значительно испорчен распашкой, мощность его колеблется от 20—25 см до 35—40 см, и в редчайших случаях доходит до 50 см. В основном толщина слоя равняется глубине запашки и поэтому не-

потревоженных его участков обнаружить не удалось. В распаханном слое обнаружен практически весь набор находок, характерный для средневековых поселений; многочисленные камни от построек и очагов; фрагменты лепной и гончарной керамики; остатки литейного производства — шлаки, тигли, крица; кости домашних и диких животных; различные индивидуальные находки. Суммарная вскрытая площадь поселения составляет на сегодняшний день 6568 м².

На изученной площади обнаружены остатки многочисленных ям — в прошлом жилых, хозяйственных и производственных сооружений, открытых очагов. Всего на поселении вскрыто 290 ям различного назначения, из них более 50 — жилые и производственные комплексы.

Во многих случаях четкое разделение построек по функциональному признаку затруднено. Видимо, и в древности они могли использоваться и как жилье, и как мастерские. Однако есть факты целевого использования сооружений — мастерские, обнаруженные в 1975—1976 гг. В Тимерево нет особой ремесленной части, каковая известна на Гнездовском поселении, где производственные постройки располагались на окраине поселка на берегу реки. В Тимерево раскопки как раз производились в прибрежной части поселения. Можно отметить, что выявленные производственные комплексы располагались на периферии поселения. Распашка, безусловно, сыграла свою разрушительную роль — утрачены многие важные детали построек, углубленных в землю, а некоторые наземные сооружения исчезли вовсе.

Постройки Тимеревского селища носили в основном наземный характер с креплением стен и кровли с помощью столбовых конструкций. Сооружения слегка углублялись в материковую глину, а иногда приближались по своему типу к полуземлянкам.

Формы построек различны, от подпрямоугольных камер до двух- или трехчастных. В основном формы невыразительные и сильно испорчены распашкой. Столбовые ямы, главным образом, располагались по краям сооружений за их пределами, и лишь иногда фиксируем их в самой яме. Наибольший интерес представляют двухчастные жилища с длинным углубленным входом, расположенным под прямым углом по отношению к основной камере.

Глинобитных печей в жилищах не обнаружено, их функции выполняли очаги из камней, находящиеся в самих постройках, они имеют, как правило, овальную форму, иногда располагаются на подушке из обожженной глины, специально сооруженной. Важно отметить наличие открытых очажных ям, наполненных обгорелыми камнями. Такие очаги, как правило, входили в комплексы с жилыми постройками, возможно, являлись летними кухнями. В постройках часто встречается коричневый

слой древесного тлена, видимо, остатки деревянного пола, а иногда рухнувших конструкций стен и крыши.

Важным является выяснение направления и основных фаз развития поселения. Не вызывало никаких сомнений и подтвердилось раскопками, что вся площадь поселения не была застроена в одно время. Поселение разрасталось вширь, этому способствовали местные условия. Первоначально, как мы уже отмечали, была заселена лишь юго-западная часть селища. Она была ограждена от остальной территории плато мощной столбовой оградой, которая выявлена в результате раскопок в 1976 г. Основная площадь Тимеревского поселения, в состав которой входили и заброшенные участки, была обитаема начиная с середины X столетия. К этому же времени относится и максимальное количество погребений в Тимеревском могильнике.

Как показывают раскопки, новые жилища и производственные постройки в Тимерево сооружались на свободных местах, а не на месте старых, пришедших в негодность. Изучение внутренней топографии Тимеревского поселения на основании полученных во время раскопок данных позволяет уже сейчас сделать некоторые предварительные выводы. Постройки располагаются здесь гнездами, или «усадебями». В целом планировку можно определить как беспорядочную. В состав «усадеб» входят жилые и производственные сооружения, хозяйственные ямы, открытые очаги. В ряде случаев между «усадебями» или вокруг них зафиксированы столбовые ямки от оград и колоков.

Такая система планировки вполне увязывается и со старыми традициями. Аналогичная застройка поселений и подобные типы построек известны в Ярославском Поволжье в более раннее время на Дьяковских поселениях.

В культурном слое и заполнении построек Тимеревского поселения обнаружены различные предметы быта, орудия труда, оружие, украшения, все они позволяют судить об основных занятиях местного населения, торговых связях. Ведущими отраслями хозяйства этого центра были ремесла и торговля. В курганах и на поселении найдены многочисленные предметы, относящиеся к литейному и кузнечному делу, ткачеству, обработке дерева, кости, кожи. Находки оружия и украшений импортного происхождения, весов и гирек, арабских монет и многих других привозных изделий свидетельствуют о том, что Тимеревский комплекс в эпоху раннего средневековья играл важную роль в трансевропейских связях, являясь ключевым пунктом на Великом Волжском пути. Здесь представлены изделия средневропейского, скандинавского, болгарского, арабского, среднеазиатского происхождения.

Жители Тимеревского поселения занимались также земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Таким образом,

хозяйство древних обитателей этого района было комплексным, с доминированием, в данном случае, ремесла и торговли. В связи с этим, несомненно, важны находки не только инструментов и орудий труда, но и ремесленных мастерских. Одна из них (№ 8) была обнаружена при раскопках поселения в 1975 г. — здесь было зафиксировано разрушенное основание горна, валун, использовавшийся в качестве наковальни, литейная формочка, два боевых топора с обломанными в древности обушными частями. В другой постройке (№ 52) найден большой набор ювелирных инструментов — керны, долотца, пробойники и др. Наконец, в 1987 г. на границе поселения и могильника обнаружена каменная печь для обжига керамики.

Важен вопрос о хронологии Тимеревского поселения. Все данные позволяют датировать его IX—XII столетиями. На первом этапе (IX—X вв.) население данного района, и Тимерево в том числе, было смешанным. В изучаемом нами центре представлены славянский, финно-угорский и скандинавский этнические компоненты. Второй этап (XI—XII вв.) характеризуется уже сложившимся этническим массивом — древнерусским, ведущую роль в формировании которого в Волго-Окском междуречье на первом этапе играли словене новгородские, а на втором — кривичи. Безусловно, в состав как первых, так и вторых входили и иные этнические группы (северо-западные финно-угры, балты). В движении с северо-запада принимали участие и скандинавы. Характер Тимеревского центра как торгово-ремесленного и протогородского обусловлен прежде всего местонахождением на трансъевропейском Великом Волжском пути. Исследования этого ключевого памятника продолжатся и, несомненно, дадут новые важные результаты.

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ О БОРЬБЕ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В НАЧАЛЕ XIII в.

В отечественной историографии нового и новейшего периода события второго десятилетия XIII в. на северо-востоке Руси обычно рассматриваются как феодальные распри. Так, М. Д. Приселков писал о «борьбе, разыгравшейся после смерти Всеволода за великокняжеский стол Владимира между Константином и Юрием Всеволодовичами».¹ Ю. А. Лимонов также был склонен говорить о «соперничестве между Юрием и Константином», которых поддерживали соответственно «владимирцы»

© Ю. В. Кривошеев, 1995.

¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 88, 89.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глебов В. Л.</i> (Новосибирский ун-т). Дискуссионные вопросы славянского этногенеза	3
<i>Кирпичников А. Н.</i> (Ин-т истории материальной культуры, С.-Петербург). Ладога VIII—X вв. и ее международные связи	28
<i>Седов В. В.</i> (Ин-т археологии, Москва). Изделия древнерусской культуры в Скандинавии	53
<i>Кулаков В. И.</i> (Ин-т археологии, Москва). Варианты иконографии Одина и Тора V—XI вв.	66
<i>Рябинин Е. А.</i> (Ин-т истории материальной культуры, С.-Петербург). Средневековая мещера: Опыт историко-культурной интерпретации	81
<i>Дубов И. В.</i> (Российский этнографический музей, С.-Петербург), <i>Седых В. Н.</i> (С.-Петербургский университет). Тимерево в свете новейших исследований	102
<i>Кривошеев Ю. В.</i> (С.-Петербургский университет). Археологические и фольклорные данные о борьбе городов Северо-Восточной Руси в начале XIII в.	117
<i>Иоаннисян О. М.</i> (Эрмитаж). Зодчество Юго-Западной и Северо-Восточной Руси и романская архитектура: К проблеме международных связей в древнерусском искусстве XII—XIII вв.	125
<i>Зорина А. М.</i> (С.-Петербургский ун-т). Стилистические особенности блокаментных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове	142
<i>Тихонов И. Л.</i> (С.-Петербургский ун-т). Традиции славяно-русской археологии в Петербургском университете	154
<i>Фроянов И. Я.</i> (С.-Петербургский ун-т). Политический переворот 1068 г. в Киеве	175
<i>Дворниченко А. Ю.</i> (С.-Петербургский ун-т). Древнерусское наследие и формирование повинностной системы Великого княжества Литовского	196
<i>Пузанов В. В.</i> (Удмуртский ун-т). К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии	204
<i>Кудрявцев И. Н.</i> (Финляндия). Деревянные полуколонны из Новгорода и их североевропейские аналоги	211
<i>Булкин В. А.</i> (С.-Петербургский университет). Кривичи и словене в верховьях Днепра и Двины	218
<i>Кирпичников А. Н.</i> Письмена на серебре	237
<i>Калашикова Н. М.</i> (Российский этнографический музей, С.-Петербург). Традиции Русского Севера в дизайне женского костюма XX в.	240